

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Историческая наука в современной России развивается в условиях, которые существенно отличаются от предшествующего (советского) периода в ее развитии. Советские историки, работая в условиях идеологического диктата, постоянного контроля над наукой со стороны партийных и государственных органов, вынуждены были очень ответственно подходить к методике научного исследования.

Содержание исторических исследований должно было отвечать требованиям единственной методологии, на которой основывалась историческая наука – марксизма-ленинизма. Отступление от этой методологии, нарушение ее принципов приравнивалось к диссидентству и соответственным образом каралось. Меры воздействия на инакомыслящих были разными: доносы на авторов; «проработки» историков и их произведений; огульная критика неугодных авторов, приклеивание к ним разного рода ярлыков; занесение «немарксистских» работ в «черные» списки и помещение их в спецхраны библиотек; запреты на профессию, аресты и высылка за границу непокорных авторов и т.п.

В этих условиях основная часть ученых-историков неукоснительно следовала спущенным сверху правилам игры. Методика научного исследования предполагала определение актуальности проводимого исследования, главным образом путем ссылки на цитаты классиков марксизма-ленинизма, документы партийных форумов и выступления руководящих деятелей коммунистической партии и Советского государства; обязательную опору научных исследований на исторические источники, анализ которых позволял другим исследователям производить верификацию полученных результатов; обязательную проработку историографии проблемы для определения новизны собственного исследования; обязательное цитирование использованной литературы при правильном оформлении научно-справочного аппарата. Публицисты и литераторы так же писали на исторические темы, но они никогда не возводили свои работы в ранг научных исследований. Тем не менее, ученые-историки внимательно отслеживали, как оценивались исторические события и факты непрофессиональными авторами. Многим памятна дискуссия, развернувшаяся в исторической науке по поводу романа-эссе писателя В.А. Чивилихина «Память», представлявшего собой размышления автора о ранних периодах русской истории¹⁶⁷.

Крушение советского строя привело к кардинальным изменениям существования исторической науки в современной России. Характеристике этих изменений посвящено значительное количество литературы. Основное отличие современного этапа развития исторической науки от советского периода заключается в том, что формирование научного знания происходит в условиях методологического и концептуального плюрализма, который является отражением объективно существующего

¹⁶⁷ См.: Чивилихин В.А. Память. Роман-эссе. М., 1984.

в российском обществе политического и идеологического плюрализма. Эти новые условия повышают требования к совершенствованию методики научного познания, которая определяет принципы и методы обработки эмпирических данных и тем самым обеспечивает доказательность полученных результатов.

Между тем современные авторы указывают на многочисленные случаи использования псевдометодики научного исследования для реализации поставленных целей.

Самым развитым направлением критики со стороны профессиональных историков стала мифологизация истории, широко распространившаяся уже в годы «перестройки». Ее первыми творцами были публицисты и литераторы, поставившие в центр своего исследования историческую проблематику. Объектом их внимания в период «перестройки» была главным образом история советского общества, создание новых представлений о его развитии на основе критического переосмысления сталинщины, «застойного» периода и т.д.¹⁶⁸ Накопление мифов о развитии советского общества, пришедших из многочисленных работ В. Суворова (Резуна) в первой половине 1990-х гг., породило в отечественной историографии феномен «антисувориады»¹⁶⁹.

Впоследствии публицисты и литераторы начали творить многочисленные мифы о развитии древней, средневековой и новой истории России¹⁷⁰. Часть современных ученых-историков стала специализироваться на критике нового жанра, появившегося в околонучной публицистике, получившего название «фолк-хистори»¹⁷¹. Д.М. Володихин, О.И. Елисеева, Д.А. Олейников определяют этот жанр как «история – "игрушка для толпы, чтиво охлоса"». По мнению данных авторов, пафос этого жанра «сводится либо к ниспровержению существующих представлений о тех или иных исторических событиях, либо к осуждению того, что уже свершилось в истории»¹⁷².

На рубеже XX – XXI вв. под флагом необходимости внедрения в историческую науку междисциплинарных методов свой вклад в мифологизацию истории вносят представители точных наук. Часть из них увлеклась выстраиванием альтернативных исторических теорий, которые предлагают считать картину прошлого, изображаемую исторической наукой, частично или целиком ошибочной¹⁷³.

Среди авторов, специализирующихся на критике «фолк-хистори», особенно многочисленными являются противники концепции «новой хронологии», пустившей глубокие корни в историческом сознании с подачи математиков А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского и их многочисленных последователей из околонучной среды. Мы являемся свидетелями появления нового научного направления в исторической науке,

¹⁶⁸ См.: *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992; и др.

¹⁶⁹ См.: *Исаев А.В.* Антисуворов. М., 2004; и др.

¹⁷⁰ См. критику некоторых из них: *Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Шишкин И.Г.* Очерки современной историографии истории России с древнейших времен до начала XX в. Тюмень, 2003.

¹⁷¹ См.: *Володихин Д.М., Елисеева О.И., Олейников Д.А.* История России в мелкий горошек. М., 1999; Они же. История на продажу. Тупики псевдоисторической мысли. М., 2005.

¹⁷² *Володихин Д.М., Елисеева О.И., Олейников Д.А.* История на продажу. С. 6, 7.

¹⁷³ См.: *Бочаров А.* Альтернативная история в контексте естественнонаучной парадигмы // *Фигуры истории, или «общие места» историографии.* СПб., 2005. С. 7 – 18.

получившего название «антифоменковщина». К ниспровержению доводов сторонников «новой хронологии» прилагают недюжинные усилия как маститые, так и совсем молодые исследователи. Известный российский ученый-историк С.О. Шмидт, определяя труды упомянутых ученых-математиков как «научообразный китч», высказывает вполне убедительное предположение, что их книги – «долговременный розыгрыш, ставший приносить немалые денежные доходы, и поэтому продолжающийся и принуждающий к новизне и содержания и оформления»¹⁷⁴.

Примеры современного мифотворчества в области отечественной истории, основанного на сознательном подтасовывании исторического материала, можно множить до бесконечности. По мнению А.В. Трофимова, мифологическая составляющая современного исторического дискурса, в настоящее время не только востребована определенной частью общества, но и поддерживается и насаждается отдельными политическими силами и властными структурами. Объективными причинами существования мифологической составляющей в общественном сознании и исторической науке автор считает то, что «мифы и историческая мифология нацелены на решение нескольких задач: самоидентификация общества (или нации) в мире, его отождествления с той или иной культурной, этнической или политической традиции; прогнозирования модели будущего нации путем выстраивания сюжета, по которому развиваются исторические события и воедино связываются прошлое, настоящее и будущее; ведения борьбы различных общественных и политических групп, направленной на утверждение собственной системы ценностей и дискредитации противников; исторические мифы часто используются властями для управления обществом, а смена мифологических моделей направляет массовое сознание в нужное в данный момент русло»¹⁷⁵.

В данной статье затрагиваются некоторые вопросы, связанные с нарушением научной этики в процессе создания исторических произведений. Способы нарушения научной этики в современных исторических исследованиях чрезвычайно разнообразны.

Авторы часто отказываются от озвучивания своих методологических позиций, прикрываясь тем, что не дело настоящего исследователя «заморачиваться» насчет собственной методологии, он должен просто изучать факты. Особенно страдают этим диссертанты, включая в раздел введения «методологическая основа исследования» лишь принципы, среди которых обязательно фигурирует «принцип объективности», и методы исследования¹⁷⁶.

Между тем обязательным требованием к методологическому разделу диссертации является указание на теорию или концепцию, с позиции которой ведется исследование. Работая в условиях научного плюрализма, исследователь должен осознавать, что выбранная им методо-

¹⁷⁴ Шмидт С.О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания. М., 2005. С. 4, 5.

¹⁷⁵ Трофимов А.В. О мифологической составляющей современного российского исторического дискурса // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2011. Т. 1. С. 181.

¹⁷⁶ См.: Камынин В.Д. К вопросу о роли методологии в современных диссертационных исследованиях по историографии // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века. Мат. междунар. науч. конф. М., 2011. С. 132 – 135.

логическая основа определяет выбор принципов и методов своего исследования, что именно с этих позиций он отбирает и интерпретирует содержание исторических источников. Это требование неукоснительно соблюдается в западной историографии. Никакой уважающий себя западный журнал не возьмет для публикации статью, в аннотации которой не указана методологическая позиция автора.

Кстати, теоретические пристрастия исследователя устанавливаются достаточно просто. Как заметил К. Поппер, «эти теории неявно содержатся... в терминологии»¹⁷⁷.

Влияние методологических позиций на различную интерпретацию одних и тех же источников по одной и той же исторической проблеме нами недавно было показано в одной из статей¹⁷⁸. Изучая данные горнозаводской статистики о составе уральского пролетариата в начале XX в., дореволюционные исследователи, историки «старой школы» и историки-марксисты 1920-х гг., советские и современные исследователи давали и дают два диаметрально противоположных ответа на вопрос о социальной природе уральского рабочего и связанное с этим отношение рабочего социума к власти. Интерпретация одних и тех же данных на протяжении целого столетия зависит от того, в рамках какой методологии ведется исследование: либеральной или историко-материалистической.

Влияние методологических позиций зачастую сказывается на прямом манипулировании историческими фактами.

Желание высоко оценить достижения капиталистического этапа индустриализации Урала, показать заботливое отношение царского и временного правительства к уральской промышленности привело С.П. Постникова и М.А. Фельдмана к выводу о том, что даже в годы Первой мировой войны вплоть до осени 1917 г. ни один более или менее крупный металлургический или металлообрабатывающий завод Урала не был закрыт¹⁷⁹. В подтверждение этого вывода авторы не привели ни одного источника.

Между тем советские историки писали о катастрофическом влиянии Первой мировой войны на уральскую промышленность, возлагая в соответствии с марксистско-ленинской методологией ответственность за это на бездеятельность царского правительства и горнозаводчиков.

В современной историографии А.П. Абрамовский, В.В. Запарий и др. исследователи в подтверждение тезиса о тяжелом положении уральской промышленности приводят данные о том, в 1917 г. из 106 металлургических предприятий 16 были закрыты, из 90 доменных печей 39 оказались потушенными¹⁸⁰. При этом все авторы в подтверждение своих подсчетов ссылаются на один и тот же источник¹⁸¹. В.Е. Мусихин ука-

¹⁷⁷ Поппер К. Нищета историцизма / Пер. с нем. М., 1993. С. 167.

¹⁷⁸ См.: Камынин В.Д. Проблема «Власть и рабочие Урала в период войн и революций» как историографический феномен // Власть и общество в экстремальных исторических ситуациях: Сб. статей и материалов всероссийской научной конференции (г. Пермь, 17 мая 2013 г.). Пермь, 2013. С. 200 – 204.

¹⁷⁹ См.: Постников С.П., Фельдман М.А. Власть и рабочие Урала в 1917 г. Очерки истории и историографии. Екатеринбург, 2011. С. 24.

¹⁸⁰ См.: Абрамовский А.П. Демилитаризация уральской горнозаводской промышленности: замыслы и осуществление // Вестник Челяб. ун-та. 1993. № 2. Сер. 1. История. С. 46; Запарий В.В. Черная металлургия Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2001. 2-е изд. С. 138; и др.

¹⁸¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 14. Д. 1079. Л. 1 – 3.

зывает на то, что еще в 1915 – 1916 гг. из-за нехватки топлива и сырья были остановлены 22 доменные печи, 11 печей работали с неполной загрузкой. В январе 1917 г. из 112 доменных печей стояли уже 55, с недогрузкой работали 20¹⁸² [19, 221 – 223].

Наиболее вопиющим случаем нарушения научной этики является плагиат. Еще в годы «перестройки» Ю.В. Емельянов¹⁸³, характеризуя многочисленные работы, появившиеся в нашей стране о Н.И. Бухарине в связи с его официальной реабилитацией на рубеже 1980 – 1990-х гг., обратил внимание на то, что некоторые отечественные исследователи, торопясь «застолбить свое место под солнцем», некорректно заимствовали материал у своих зарубежных коллег, которые уже несколько десятилетий изучали жизнь и политическую деятельность Н.И. Бухарина. Сопоставив некоторые места из книги И.Е. Горелова¹⁸⁴ с соответственными местами из книги американского исследователя С. Коэна, изданной в США в 1973 г. и опубликованной в СССР в 1988 г.¹⁸⁵, Ю.В. Емельянов писал, что «целые страницы текста коэновского "Бухарина" в переводе на русский язык, сделанном в США в 1980 г. Е. и Ю. Четверговыми и В. Козловским, попадают в текст гореловского "Бухарина" лишь в слегка измененном виде». При этом Ю.В. Емельянов на интеллигентном языке объяснял эти заимствования тем, что «видимо, из-за спешки, типичной для публикаций последнего времени, И.Е. Горелов опустил ссылки на С. Коэна (кроме шести случаев). "Влияние" же С. Коэна таково, что текстуальные совпадения между двумя работами занимают значительную часть книги Горелова»¹⁸⁶. В заключении этого сюжета Ю.В. Емельянов прямо уличил И.Е. Горелова (доктора исторических наук – В.К.) в том, что «любовь к фактам, изложенным С. Коэном, так ослепила И.Е. Горелова, что он забыл об обязанности историка точно ссылаться на использованные им источники»¹⁸⁷.

На обычном языке эта «забывчивость» авторов называется и называется плагиатом. Случаям плагиата в современной науке «несть числа». Укажем лишь на несколько случаев из нашей собственной научной практики. В 1993 г. на научной конференции в Брянске автором данной статьи был обобщен почти 20-летний опыт чтения курса историографии отечественной истории в Уральском государственном университете им. А.М. Горького. По итогам конференции был опубликован сборник материалов, в котором была помещена наша статья «К вопросу о периодизации отечественной историографии XX в.»¹⁸⁸ В ней сочетались как новые, так и традиционные подходы к этому весьма дискуссионному в советское время вопросу. К новизне можно отнести постановку вопроса о

¹⁸² См.: *Мусихин В.Е.* Транспортный кризис и его влияние на состояние топливно-сырьевой базы уральской горнозаводской промышленности в 1914 – 1917 гг. // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию ученой архивной комиссии): Тез. докл. и сообщ. к межрегион. науч. конф. Киров, 18 – 20 октября 1994 г. Киров, 1994. С. 221 – 223.

¹⁸³ См.: *Емельянов Ю.В.* Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность. М., 1989.

¹⁸⁴ См.: *Горелов И.Е.* Николай Бухарин. М., 1988.

¹⁸⁵ См.: *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888 – 1938. М., 1988.

¹⁸⁶ *Емельянов Ю.В.* Заметки о Бухарине. С. 101.

¹⁸⁷ Там же. С. 104.

¹⁸⁸ См.: *Камынин В.Д.* К вопросу о периодизации отечественной историографии XX в. // Отечественная и всеобщая история: методология, источниковедение, историография. Брянск, 1993. С. 79 – 83.

непрерывности историографического процесса в России на протяжении всего XX столетия. Мы предложили вариант периодизации развития исторической науки в России в XX в. без деления ее на досоветский, советский и постсоветский этапы.

Впервые в историографической литературе отмечалось, что кардинальные изменения, которые произошли в исторической науке в конце 1980-х гг., имели не только положительные, но и негативные последствия. Нами было подчеркнуто, что «участие исследователей в политической и идейной борьбе, которая происходит в российском обществе, не способствует объективному изучению российской истории и затрудняет научный процесс»¹⁸⁹. Следование традиционным подходам проявилось в излишне дробной периодизации советской историографии.

Предложенный нами вариант периодизации советской историографии вызвал весьма оживленную дискуссию в научной среде. Уральские историографы О.А. Васьковский и А.Т. Тертышный предложили отказаться от дробной периодизации советской историографии в силу того, что качественные сдвиги в ее развитии следует связывать, прежде всего «с концептуальными изменениями», а они на протяжении советского периода менялись весьма редко¹⁹⁰. В зависимости от этих изменений они предложили выделить в развитии советской историографии три крупных этапа: с 1917 г. до конца 1920-х гг.; 1930 – 1980-е гг. и с конца 1980-х гг.¹⁹¹

Уральские историографы Е.Б. Заболотный и В.С. Прядеин поддержали наш вариант периодизации. Е.Б. Заболотный заметил, что внутри крупных периодов вполне возможно выделить более мелкие этапы, в частности, вторую половину 1950-х – 1960-е гг., «когда начались многообещающие научные дискуссии по истории революционного движения в России и особенно по проблемам социально-экономических предпосылок революции 1917 г. и были созданы оригинальные концепции, выходящие за рамки сталинских представлений»¹⁹².

Весьма оригинально «поддержал» нашу позицию по вопросу о периодизации советской историографии В.С. Прядеин. В статье «Периодизация отечественной исторической науки XX века: новая постановка вопроса» автор буквально воспроизвел наш вариант периодизации советской историографии как свой собственный¹⁹³. Несколько ниже автор похвалил В.Д. Камынина за то, что он наиболее близко подошел к решению «задачи диахронизации отечественной исторической науки XX в.», осуществил «отход от крупномасштабной периодизации к более дробной, конкретной». Достоинства нашей периодизации он усмотрел в том, что в ней «установлена органическая связь историографии рубежа XIX – XX вв. и советской историографии, история исторической науки

¹⁸⁹ Там же. С. 82 – 83.

¹⁹⁰ Васьковский О.А., Тертышный А.Т. 1917 год в России: Итоги изучения. Екатеринбург, 1993. С. 7.

¹⁹¹ См.: Васьковский О.А., Тертышный А.Т. Феномен диктатуры пролетариата. Екатеринбург, 1994. С. 15 – 16.

¹⁹² Заболотный Е.Б. Российская историография революции 1917 г. на Урале. Екатеринбург, 1995. С. 5.

¹⁹³ Прядеин В.С. Периодизация отечественной исторической науки XX века: новая постановка вопроса // Урал в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 1995. С. 268 – 270.

связывается с реальными процессами общественного развития, а не теми умозрительными этапами псевдосоциалистического строительства, осуществляется отказ от упрощенного линейно-прогрессистского похода». Сказав еще немало хороших слов в адрес нашей периодизации, В.С. Прядеин все же попенял ее автору за то, что он не поставил вопрос о критерии своей периодизации, предложив все сформулированные нами черты развития исторической науки, отличающие один из ее этапов от другого, «поместить в лоно обобщенного, интегрирующего, определяющего критерия – плюрализации исторического познания»¹⁹⁴.

Нам, конечно, была приятна столь лестная оценка предложенной нами периодизации, однако относительно «плюралистическими» в советской историографии были лишь первая половина 1920-х гг., «хрущевская оттепель» и «перестройка». Не понятно, как под «обобщенный, интегрирующий, определяющий критерий – плюрализации исторического познания» подвести развитие советской исторической науки во второй половине 1920-х – первой половине 1950-х гг. и в годы «застоя».

Критика со стороны коллег по историографическому цеху, многие из которых после смерти О.А. Васьковского (1922 – 1995) составили основу «уральской историографической школы»¹⁹⁵, заставили автора данной статьи воспринять тот вариант периодизации советской историографии, который был предложен О.А. Васьковским и А.Т. Тертышным. Об этом нами было заявлено в коллективной монографии, представляющей концептуальное оформление сформировавшейся научной школы уральских историографов¹⁹⁶. При этом автор данной статьи убежден, что в учебных целях при чтении курса лекций по отечественной историографии XX в. удобен наш (дробный) вариант периодизации, которому мы следуем до сих пор¹⁹⁷, а в научных целях при анализе советской историографии необходимо применять вариант крупномасштабной периодизации, который предполагает обязательное выделение 1920-х гг., который можно рассматривать в качестве переходного этапа между дореволюционной и классической советской историографией.

Реакция на публикацию нашей книги последовала незамедлительно. Московский историк В.П. Булдаков, попеняв авторам монографии за то, что они занимаются ненужным во второй половине 1990-х гг. делом, опубликовав вместо «критически-провоцирующих статей» «монографически-монументальный» труд по историографии революции 1917 г.¹⁹⁸, выступил против предложенного нами варианта периодизации советской историографии. В свете либеральной концепции Ю.Н. Афанасьева, рассматривавшего советскую историографию как «особый научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-

¹⁹⁴ Там же. С. 270 – 271.

¹⁹⁵ См.: Камынин В.Д., Цыпина Е.А. Уральская историографическая школа // Известия Урал. ун-та. 2004. № 29. Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 15. С. 67 – 75.

¹⁹⁶ Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Тертышный А.Т. Урал накануне великих потрясений 1917 г. (историограф. очерк). Тюмень, 1997. С. 17.

¹⁹⁷ См.: Камынин В.Д., Чернобаев А.А., Рогожин Н.М., Шикло А.Е. Русская историография XI - начала XXI века: Учеб. пособие / Под ред. А.А. Чернобаева. М., 2010; Историография истории России: Учеб. пособие для бакалавров / Под ред. А.А. Чернобаева. 2-е изд. М., 2014

¹⁹⁸ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 322

политических потребностей»¹⁹⁹, В.П. Булдаков раскритиковал сторонников «уральской историографической школы» за неуместность, по его мнению, разделения советской литературы «на "нэповскую", периода 30 – 80-х гг. и современную»²⁰⁰. Это означало, что вся советская литература «одним мирром мазана» и к ней нужно соответственным образом относиться.

Зато уральским историкам наша книга понравилась. «Понравилась» настолько, что историк из Магнитогорска Ю.Д. Коробков в своей статье, опубликованной в 2000 г., дал краткий конспект сюжета из нашей книги, посвященной историографии особенностей уральского пролетариата²⁰¹. Поскольку объем статьи гораздо меньше, чем объем монографии, автор ограничился переписыванием наших наблюдений над изучением этого сюжета советскими исследователями. Подойдя к современной историографии вопроса, он ограничился буквальным воспроизведением вывода из нашей монографии о том, что «большинство историков Урала продолжает отстаивать мнение о том, что уральский пролетариат по своим количественным и качественным характеристикам соответствовал облику российского пролетариата и отвечал всем требованиям гегемона революции 1917 г.»²⁰² Естественно, что на протяжении всей своей статьи Ю.Д. Коробков не сделал ни одной ссылки на указанную монографию.

Вообще, следование принципу: понравилось – почему бы не позаимствовать – становится все более распространенным в современной российской исторической науке. Сошлемся на еще один пример из нашего собственного опыта. Изучая в течение последних 10 лет жизнь и творческую деятельность уральского историка В.В. Адамова, мы в двух своих работах, увидевших свет в 2012 г., обратились к анализу отношения современных историков к его творческому наследию. Поскольку жанры этих работ были разными: один – тезисы на научной конференции²⁰³, другой – раздел в монографии²⁰⁴, мы лишь немного изменили названия наших работ. С удивлением для себя обнаруживаем опубликованную в центральной печати в 2014 г. статью практически под тем же названием²⁰⁵. Как говорится и сюжет не нов, и название похоже, но ссылок в тексте на своего предшественника в изучении данного сюжета мы не нашли.

¹⁹⁹ *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 37.

²⁰⁰ *Булдаков В.П.* Красная смута. С. 322.

²⁰¹ Сравни: *Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Тертыйный А.Т.* Урал накануне великих потрясений 1917 г. С. 90 – 110 и *Коробков Ю.Д.* Проблема специфики рабочего класса Урала в исторической литературе // Проблемы истории, филологии, культуры. М. – Магнитогорск, 2000. С. 271 – 275.

²⁰² Сравни соответственно: С. 147 и С. 274.

²⁰³ *Камынин В.Д.* Судьба научного наследия В.В. Адамова (1914 – 1985) – главы уральской группы «нового направления» // Социальная мобильность в традиционных обществах: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения профессора М.М. Мартыновой и 100-летию со дня рождения профессора Б.Г. Плющевского. Ижевск, 20 – 21 ноября 2012 г. / Сост. и отв. ред. В.В. Пузанов. Ижевск, 2012. С. 391 – 403.

²⁰⁴ *Камынин В.Д.* Владимир Васильевич Адамов (1914 – 1985): Судьба научного наследия историка В. В. Адамова // Личностный фактор в исторической науке (историографические портреты). Екатеринбург, 2012. С. 25 – 47.

²⁰⁵ *Фельдман М.А.* В.В. Адамов и судьба его научного наследия // Вопросы истории. 2014. № 7.

Количество подобных случаев можно приводить и больше. Сказанное нами не означает, что исследователь не может обращаться к идеям и мыслям, высказанным до него другими авторами. Напротив, он должен использовать наследие своих предшественников в различных случаях: либо, когда он соглашается с ними, либо, когда он их критикует. Но научная этика требует, чтобы исследователь обязательно сделал ссылку на работу, выдержки из которой он использовал. При этом необходимо избегать цитирование «понравившегося» текста целыми страницами.